

k-fiction

ЛИ
ХОЧХОЛЬ

УЙТИ

И НЕ ВЕРНУТЬСЯ

Lingua

Издательство АСТ
Москва

СОДЕРЖАНИЕ

Уйти и не вернуться 탈향	5
Прилив 만조	25
Обнаженная натура 나상	47
Дом, где угасает жизнь 닿아지는 살들	63
Заместитель мэра не вышел на работу 부시장 부임지로 안 가다	91
На праздновании дня рождения 생일초대	121

Большая Гора 큰 산	143
Дом про запас 여벌집	159
Пугающая темнота деревенской ночи 소슬한 밤의 이야기	183
Эти бесконечные разговоры о разделенной семье! 이산타령 친족타령	207

УЙТИ

И НЕ ВЕРНУТЬСЯ

탈향

Товарный вагон, в котором мы устраивались на ночлег нынешней ночью, назавтра уже куда-то исчезал. Иногда перебираться из вагона в вагон приходилось по нескольку раз за вечер. Мы успокаивались только тогда, когда находили пустой вагон и наконец укладывались спать. Я и Хавон, как младшие из нас, ложились посередине, а по бокам — Тучхан и Квансок. Бывало, мы просыпались посреди ночи из-за странных звуков и понимали, что наш вагон, прицепленный к паровозу, куда-то мчится.

— Эй! Просыпайтесь, просыпайтесь скорее!

Нам приходилось выпрыгивать из вагона. Порой Квансок ошибался, спрыгивая не по направлению движения поезда, и тогда мы оказывались то у причала №4, то на товарной станции Пусанчжин. В поисках пустого вагона мы снова бродили по путям, заглядывая то в один, то в другой вагон.

— Разве это жизнь! Ну сколько можно терпеть. Вот проклятье... — часто раздражался Квансок, ни к кому особо не обращаясь. Однако на следующее утро все четверо мы безропотно отправлялись на причал №3. Там мы усаживались напротив уличной торговки едой и завтракали.

- Съешь еще.
- Давай.
- Еще возьми!
- Ты сам еще съешь.

Это был всего лишь кусочек сайры, но мы делили его на всех, стремясь уступить друг другу.

Мы шумно веселились, когда в темном вагоне выпивали по чашечке рисовой бражки. Хавон, самый младший из нас, вечно что-нибудь рассказывал.

— Эх, в Пусане даже снега нет. Эй! Ты что, спишь уже, сукин сын? А помнишь колодец дяди Квансока? Зимой, когда идет снег? Там еще дуб позади колодца, который зимой становится похожим на белый зонтик. Как-то раз, ранним утром, за водой пришла та соседка, помните, что живет у самого подножия горы. Как только она зачерпнула первый черпак, с дерева ей на макушку свалилась целая груда снега. Мне стало так смешно, что я покатился со смеху, она тоже, не страхивая снег, громко расхохоталась. Вы же помните, какая она хохотушка?

Квансок довольно улыбался:

— Местные рабочие спросили, двоюродные ли мы братья. Я ответил, что так и есть, а они опять за свое. Эти южане такие странные. Эй, ты уже пьяный, что ли?

Спустя некоторое время разговор продолжался:

- Эх, когда мы уже вернемся домой?
- Заплетающимся языком Тучхан бормотал:
- Скоро должны.
- Такая жизнь — тоже хороший опыт.
- Да, это точно.
- Давайте все вместе вернемся обратно!

— Само собой! Мы ни за что не расстанемся. Разрази меня гром, если это случится. Ах как хорошо на душе. Давайте выпьем еще по одной. Только по одной.

Потом Квансок своим звенящим голосом пел песню, а Тучхан отбивал такт, постукивая по стене вагона. Хавон выполнял наши маленькие просьбы: либо ходил за еще одной бутылкой, либо за сигаретами. А я от усталости засыпал мертвым сном.

Однажды вечером Квансок привел к нам в вагон бригадира. Тучхан не обратил на это ровно никакого внимания и продолжал лежать. Хавон, наоборот, вел себя так, словно гордился тем, что к нам пришел столь важный гость. Квансок дал Хавону денег, и тот быстро сбегал за бутылкой, купив заодно еще и свечу. Только тогда Тучхан нехотя поднялся.

— Как же вы вообще тут живете? — поинтересовался бригадир.

— Такая жизнь тоже какой-никакой опыт, — робко ответил Квансок. Но тут грубо вмешался Тучхан:

— Не ваше дело.

— Но что-то же надо делать? Не все же время так жить? — продолжал бригадир.

— Говорю же, не лезьте не в свое дело. Это наша жизнь.

Спустя некоторое время бригадир ушел. Квансок его даже проводил, а когда вернулся, спросил Тучхана:

— Ты чего такой упрямый?

— Ничего я не упрямый.

— Еще какой.

Тучхан не ответил. А Квансок, словно объясняя что-то самому себе, бормотал:

— На чужбине в первую очередь нужно быть общительным и находчивым.

Тучхану и Квансоку было по двадцать четыре года. Однако Тучхан выглядел на четыре-пять лет старше. Он был высокого роста, в меру упитанный, темнолицый, с большими глазами и пухлыми губами. Когда выпивал, Тучхан начинал много болтать своим низким голосом, хотя обычно был молчалив. Квансок тоже был довольно высокий, но худощавый, с темно-тусклым цветом лица. У него были узкие глаза, приподнятая линия носа и тонкие губы. Квансок всегда много болтал, его рот не закрывался ни на минуту. В нем невозможно было разглядеть никакой серьезности, что было заметно даже по его легкой походке. Хавон был младше меня на год, ему было восемнадцать, и он всегда ходил с приоткрытым ртом.

Когда мы услышали, что китайская коммунистическая армия вступила в войну, то были так напуганы, что, не раздумывая, сели на пароход. Все было очень неопределенно, поэтому когда мы встретились все на одном судне, то радовались как безумные:

— Надо же, и ты здесь. И ты тоже. И ты.

Ночь мы провели на судне, а на следующее утро сошли в Пусане. Все мы впервые оказались на чужбине и не знали, что делать, только смотрели друг на друга, пытаясь понять, как жить дальше. В родной деревне все люди так или иначе приходились друг другу родственниками, чему там, дома, мы не придавали особого значения. Здесь же, в Пусане, мы остро почувствовали, как важно быть связанными родственными узами. Поэтому Квансок постоянно твердил:

— Если мы разойдемся, то точно пропадем.

Наш первый месяц на чужбине прошел более-менее спокойно. Однако день за днем шансы вернуться домой уменьшались. За это время у каждого из нас появились

свои планы (хотя скорее это были соображения, чем планы), и упрекать нас за это было нельзя. Раз в ближайшее время путь на родину был закрыт, то надо было найти способ выживать здесь. Для Тучхана мы с Хавоном и Квансоком становились бременем, Квансок чувствовал то же самое по отношению ко мне, Хавону и Тучхану. Естественно, отношения между нами постепенно охладевали, мы стали делать все с оглядкой друг на друга.

Квансок, то ли из-за своей разговорчивости, то ли из-за общительности, легко сошелся с местными парнями, которые часто угощали его рисовой брагой, а он, в свою очередь, рассказывал им о жизни в Северной Корее. Всего через несколько дней эти пусанские парни стали общаться с Квансоком как с закадычным другом, чего нельзя было сказать о нас. При встрече они пожимали ему руку и шутили:

— Ты пришел!

— Да, твой старший брат все еще жив и здоров!

— Какая невоспитанность, это кто тут старший брат?

— С каких это пор ты стал таким наглым?! Вот молодежь пошла, и куда только мир катится!

Глядя на эту шутовскую сцену приветствия, нам троем не оставалось ничего другого, как молча наблюдать за Квансоком, словно он стал для нас чужим. Сам же Квансок постепенно привыкал к такой жизни, ему нравилось общаться с местными рабочими, и с каждым днем он становился все более самоуверенным.

Квансок стал нам противен. Особенно его поведение не нравилось Тучхану: в отличие от друга он был необщительным и холодным, предпочитая свои мысли и чувства держать при себе. Мне казалось, что он ищет другой, не такой, как у Квансока, способ выживания на чужбине.

Примерно с этого времени Тучхан начал промышлять воровством на причале. Однако деньгами от продажи краденного, на которые можно было бы всем съесть по два обеда, он с нами не делился, а все оставлял себе. После работы Тучхан в одиночестве слонялся по причалу, в вагон возвращался поздно и сильно пьяный.

Хавон часто ныл, жалуясь, как маленький ребенок:

— Это надо же, в Пусане даже снега нет.

Когда с улицы с порывом ветра донесся пьяный голос Тучхана, оравшего во все горло нудную песню, в вагоне стало тихо, словно его чем-то накрыли.

— Открывайте!

Дверь со скрежетом открылась, и холодный голубоватый свет причала наполнил вагон. Тучхан, пошатываясь, стоял в дверном проеме и хохотал. Хавон, как всегда, тихонько всхлипывал в углу. Тучхан вполз в вагон, и, задыхаясь, стал искать Квансока:

— Эй, Квансок, ты куда подевался, сукин сын?

— Ну чего тебе? — как бы нехотя ответил Квансок, который уже лежал.

— Я напился. Я сегодня украл две футболки и продал их за хорошие деньги! Сам заработал, сам пропил! Что, не нравится? Ну и не надо. У, скотина.

Квансок рассердился и резко встал:

— Напился так напился. К другим не приставай! Иди спать! Один все пропил и еще выступаешь тут.

— Да, ты прав. Сам заработал, сам пропил. Это ты у нас с местными парнями гуляешь, они тебя угощают, а я пью на свои деньги. Это ты парень компанейский, а я вот не уродился. Зато бояться мне нечего! Совсем! Мы еще посмотрим, кто кого!

Хавон продолжал всхлипывать, совсем как ребенок.

Вдруг Квансок, словно нарочно, изо всех сил начал горланить песню:

— Созвездииеее южной страааны, как напоминаеш ты мааать...

Тучхан тоже, барабана ногой по стене вагона, громко запел:

— Ой вы, ночи в Силла... Десять лет на чужбине я... Поглядим, что-то будет дальше, а будь что будет, черт тебя побери!

Всхлипывания Хавона в какой-то момент перешли в рев.

С раннего вечера капли дождя барабанили по крыше вагона. Уже стояла глубокая ночь, но Тучхан еще не вернулся. Квансок лежал и ворчал на Хавона, как старый дед:

— Когда идешь по улице, веди себя солидно. Зачем ты все во все харчевни заглядываешь? Что это за привычка у тебя такая: облизывать пальцы после еды? Руки держи в карманах. А меховую шапку почему так сильно нахлобучиваешь, да еще и завязываешь? Если тебе так холодно в Пусане, как же ты жил на севере? Ладно бы ты был один, а то с нами ведь. Не позорь нас! К тому же местные считают нас двоюродными братьями, так что постарайся уж, веди себя прилично.

Хавон молчал, а я не заметил, как уснул. Внезапно раздался крик:

— Эй, быстрее вставайте! Вагон!.. Быстрее!

Вагон, в котором мы ночевали, начал движение. С грохотом открыв двери, я увидел, как яркие огни причала, освещавшие крыши невысоких бараков, движутся, словно

огибая его. Мы были уже у причала №4. Тогда я выпрыгнул по направлению движения поезда. Ладони коснулись холодной, мокрой щебенки. Поднявшись и придя в себя, я увидел, как кто-то еще выпрыгивает из вагона. Когда он поднялся с земли, из вагона выпрыгнул третий из нас. В какой-то момент поезд со скрежетом сделал резкий поворот, и тут же издали послышался звук глухого удара о землю и душераздирающий крик Квансока, от которого меня бросило в дрожь:

— А-а-а-а-а-а-а!

Судя по звуку, его тащило вперед. Красный свет, отразившийся в темном небе, осветил верхнюю часть локомотива и снова погас в темноте. Квансок все еще кричал. В полной темноте кто-то тронул меня за спину. Это был Тучхан. Из полумрака, пошатываясь, но быстрым шагом приблизился Хавон в развевающемся на ветру пальто. Он подошел и молча встал, засунув руки в карманы.

— Эй! — крикнул Тучхан, и, когда, вздрогнув от неожиданности, я обернулся, он, засунув руки в карманы и не глядя на меня, спросил: — Ты куда?

Я промолчал.

— Ты куда, я спрашиваю? Какой смысл туда идти?

— Да пошел ты!

— Оставь его, мы теперь сами по себе. Чем мы ему можем помочь? Все равно мы ничего не сделаем. — Тучхан снова искоса взглянул на меня и добавил: — А там поступай как знаешь. Хочешь, пойдём со мной, нет — и не надо.

Тучхан развернулся и пошел, а я еще долго стоял, не двигаясь с места, и слушал, как он идет по мокрому щебню, пока Хавон не дернул меня за рукав и не потащил в сторо-

ну, где лежал Квансок. Поезд уже скрылся в направлении станции Пусанчжин, слышались только затихающие стоны Квансока. Ночное небо прояснилось, подул пронизывающий ветер.

Снаружи завывал ветер. В углу вагона, куда мы притащили Квансока, Хавон опять плакал. Я сидел и думал: вообще-то по характеру я не похож ни на кого из них: не такой скрытный и грубый, как Тучхан, не такой общительный, как Квансок, и не такой трусливый, как Хавон, — и теперь мне было все равно, как сложатся наши отношения в дальнейшем, как не было и никакого плана на будущее. Только когда я видел это детское выражение на лице Хавона, у меня сжималось сердце, однако я всякий раз старался отвести взгляд. Мне было не понятно, почему я часто чувствовал вину перед Хавоном, почему должен нести за него ответственность, и это все больше меня раздражало. Мне казалось, что и Квансок, и Тучхан чувствовали что-то подобное, но только не ко мне. Наши отношения охладели в сравнении с тем временем, когда мы только начинали жить вместе. Хотя, может, это и в порядке вещей, ведь прошло уже два месяца.

Что меня толкнуло пойти к Квансоку? Подойдя к нему, я испытал двойственное чувство: с одной стороны, я почувствовал отвращение к себе, а с другой — какую-то даже гордость за то, что не бросил его. Мне было все равно, умрет Квансок или нет, главное — я не оставил его в беде. И когда я вернусь на родину (если только вернусь), мне не будет за себя стыдно. Хавон стоял неподалеку, засунув руки в карманы, и всхлипывал. Я поднял Квансока на спину. Поездом ему отрезало левую руку. Хавон, подавляя

рыдания, помог мне нести его, поддерживая Квансока сзади. Так мы вернулись в вагон.

Когда Квансок пришел в себя, его голос был на удивление спокойным, он спросил:

— Где мы? Куда пошел Тучхан?

Недолго думая, я ответил:

— Он пошел в больницу.

— В больницу? Как же я буду жить без руки? Тучхан скоро придет?

Тяжело дыша, Квансок зашевелился, словно пытаясь подняться:

— Давайте обязательно вместе вернемся домой. Мне кажется, что Тучхан меня неправильно понял. Мне надо с ним поговорить. А вы обо мне что думаете? Что я сделал не так? Вы будете обо мне заботиться? Правда, ведь будете?

К утру Квансок умер. Шапка с него сползла, левой щекой он прижимался к полу вагона, губы были очень бледными. Его худое лицо еще больше осунулось. В уголках глаз еще не высохли слезинки, везде была запекшаяся кровь. Хавон достал платок и вытер ему подбородок, а потом мы просто пошли на работу.

Тучхан завтракал, сидя на корточках. Поев, он рукой вытер губы и закурил. Сощурившись, он зажал сигарету в уголке рта и глубоко затынулся. Его усталые большие глаза смотрели куда-то далеко в небо.

Когда мы пришли на работу, один престарелый рабочий вдруг спросил Тучхана:

— А почему одного не хватает? Ну того, который все время болтает. Куда он делся?

— Он теперь в хорошем месте.